

ДЖЯУРЪ,
ОТРЫВКИ
ТУРЕЦКОЙ ПОВѢСТИ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛОРДА БЕЙРОНА.

ВЪ СТИХАХЪ.

Перевель Н. Р.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

~~~~~
1822.

Печаташь дозволяется съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Маія 25 дня, 1822 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

АЛЕКСѢЙ МЕРЗЛЯКОВЪ.

Издація Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета А. С. Ширина.

КЪ НЫНѢШНИМЪ ГРЕКАМЪ.

О Греки! вамъ гремишь призывный славы кликъ:
Вы свергнушь рабства цѣль воспали, ополчились—
Какъ грозный исполинъ, вашъ древній духъ возникъ,
Хоругвию Креста вы грозно осѣнили! . . .
Вамъ посвящаесть пѣснь пѣвецъ спраны чужой —
И если пылакихъ душъ я слабый предлагаю,
Простите! да грядетъ съ свободою свяшой,
Спрахъ дерскихъ Агарянь, нечестія карашель,
Элады сынъ, своимъ великимъ предкамъ въ слѣдъ!
Свершите подвигъ вашъ, свершите упованье,
И славою своей вы изумите свѣтъ —
Внимайте вамъ пѣвца безвѣснаго желанья!

ДЖЯУРЪ (1).

ПОВѢСТЬ.

Вдали шумятъ валы пѣнисты Океана
И разбиваются о каменный утесъ ;
Изъ влажныхъ моря нѣдръ , какъ будто изъ шума ,
Капится въ высопу съ лазоревыхъ небесъ
Царь дня , — и памятникъ , опчизной вознесенный
Спасителю Аѳинъ , низвергну Персовъ въ прахъ ,
Хранимый временемъ , стойтъ уединенный .
Родится ль вновь Герой — спаситель , гордымъ спрахъ ?

Спаситель Греціи ! съ вершины Колонн (2)
Задумчивый вдали внимаю ропотъ водъ , —
И вижу Греціи дряхлѣющей профей .
Какъ свѣтелъ , ясенъ , чистъ , небесный свихъ сводъ !
Надъ зыбкой бездной зрю тамъ оспрова щасливы ,
Гдѣ года времена обильною рукой
Дары плодовъ и жатвъ на тучны сыплютъ нивы ;
Источники журчатъ , и чистою струей
Сады и свиха дубравы орешають ;
Зефиры на водахъ лазуревыхъ играють ,
Благоуханіе на крыліяхъ несутъ ,
И въ сердце свихое уныніе ліють .
Пещеры по брегамъ прохладны и укромны
Зовуть любовниковъ подъ молчаливу сѣнь ;
Для препенной любви вездѣ пріющы скромны
Въ полдневные часы манящъ къ себѣ жодъ тѣнь .

Но гдѣ есть чистое въ семь мѣръ наслажденье?...
 Разбойникъ кроется отъ дневныхъ тамъ лучей;
 Когда свѣтила дня окончатся печенье,
 И тихій ночи вѣтръ взыграеть средь морей,
 Въ полночный грозный часъ, лишь плаватель безпечный
 Съ гитарой (3) согласитъ веселый голосъ свой,
 Вдругъ варваръ, на него корабль свой быспрометный
 Направя, гибельной карающей рукою
 Помчитъ, какъ хищный волкъ, добычу обреченну;
 Умолкнетъ пѣсней звукъ; — унылый, грустный спонъ,
 Невнятный хищнику, въ бою окровавленну,
 Раздастся жалобно на лонѣ тихихъ волнъ.

О жребій горестный страны благословенной,
 Гдѣ нивы жатвою богатою цвѣтутъ,
 Безъ тягостныхъ трудовъ, не потомъ орошенны,
 Плоды безпечности и роскоши даютъ.
 Почто же человекъ, порядка разрушитель,
 Въ пустыню сей Едемъ прелестный обратилъ?
 Хотя бы яросный, ужасный истребитель
 Цвѣты безмолвные, душисты пощадилъ!

Въ прекрасной сей странѣ, гдѣ все блаженствомъ дышетъ,
 Гдѣ вѣчно жить должны утѣхи и покой,
 Устадый странникъ плачь, стenanья горьки слышитъ,
 И лица блѣдныя лишь видитъ предъ собой —
 Иль воздухъ хищникъ тамъ дыханьемъ оскверняетъ,
 И съ пламенемъ несетъ въ жилища смерть и страхъ.
 Безжалостный пиранъ свою десницу простираетъ,
 И всюду цѣпь гремитъ на горестныхъ рабахъ!
 Не духи ль адскіе съ коварствомъ ухищренны
 Сразили Ангеловъ, защитниковъ небесъ?
 Геенскій темный вождь, побѣдою надменный,
 Не здѣсь ли свой престолъ пылающій вознесъ?
 Вотъ участь Греціи несчастной, угнетенной
 Цѣпями варваровъ, ихъ злостью упощенной!

Когда красавица въ послѣдній разъ вздохнешь ,
 И смерпью взоръ ея пылающій смѣжится ;
 Окончивъ жизни путь , въ могилу перейдешь ,
 И сердца шумное бѣнене прекратится ,
 Еще румянецъ въ ней въ часъ смерти не попухъ ,
 Улыбка на устахъ блѣднѣющихъ мелькаетъ ;
 Но сердце умерло , безмолвна , жизни духъ
 Опъ шѣла блѣднаго прелестной оплещаетъ ;
 Закрытый смерпью взоръ уже не мечетъ спрѣлъ ,
 Языкъ слова любви произносить не въ силахъ ;
 Еще мгновеніе — румянецъ потемнѣлъ ,
 Застыла пылка кровь , остановилась въ жилахъ !
 Бездушна ! — и тогда послѣдни красоты
 На Ангельскомъ лицѣ , какъ звѣзды въ ночь , блистающъ ,
 И память лишъ о ней и шщепныя мечпы
 Законы смерти ей въ семь мѣрѣ оставляющъ .

Такъ видимъ мы себя , Еллада , въ наши дни ,
 Безмолвну , въ горестномъ забвеньѣ погруженну ,
 Бездушны красоты оспалися одни ,
 Рукою гибели еще не испребленну .
 Въ развалинахъ ея могильные цвѣпы ,
 А слава древняя , какъ солнца лучъ , блистаетъ ;
 Изчезли чувства , прошедшія мечпы —
 Такъ пламя яркое брегъ злѣчный освѣщаетъ ,
 Но благспворною не грѣетъ теплотой .

Отчизна славныхъ дѣлъ , земля воспоминаній ,
 Гдѣ человекъ дышалъ свободою святой ,
 Героевъ дивный храмъ и поле соспязаній
 Гомера , Пиндѣра , — что съ красотою швоею ?
 Мершва пы , все мершво ! лишъ хладныя могилы ,
 Спеванье дѣвъ и женъ , звукъ тягостныхъ оковъ ,
 Всю славу древнюю въ дни наши замѣнили .
 Въщайше нынѣ мнѣ , вы , блѣдныя рабы !
 Не здѣсь ли Мараеонъ , не здѣсь ли Фермопилы ?
 О гибельный урокъ игралища судьбы !
 Не здѣсь ли Ксерксовы несмѣшны пали силы ? —

Какую вижу тамъ нависшую скалу,
 Какъ пучу мрачную висящу надъ пучиной!
 Тамъ ваши праотцы на вѣчную хвалу
 Карали Персовъ флотъ; я вижу Саламину.
 О славныя мѣста! и нашъ да будетъ вѣкъ
 Воскресшій съ славою вѣкъ Греческихъ героевъ!
 Да скажемъ: грозный день опмщенія припекъ!
 Спяжавъ побѣдъ вѣнцы среди кровавыхъ боевъ,
 Свободные сопруть Еллады злыхъ враговъ.
 О Греки новые! ищите вы въ могилахъ
 Той силы, съ коею искалъ себѣ вѣнковъ
 Безсмертный Леонидъ, сраженный въ Фермопилахъ,
 О! если кто падетъ съ врагомъ идущій въ бой,
 Умножитъ славное число доселѣ бывшихъ
 Великихъ, крикъ мечь былъ варварамъ грозой,
 Тѣхъ Греціи сыновъ, подъ лаврами почившихъ.
 Потомкамъ будете вы доблести въ примѣръ,
 И независимость надъ злобой вознесетъ.
 Возстанутъ славу пѣнь и Циндаръ и Гомеръ,
 Изъ рода въ родъ молва героевъ пронесетъ.
 Взгляните: памятникъ безвѣстнаго въ Царяхъ
 Разрушенъ временемъ, во прахъ исплѣвается;
 Но память славнаго, на холмахъ и въ лѣсахъ
 Отчизны милыя, намъ все воспоминаетъ,
 И Музы предають дѣянья ихъ вѣкамъ,
 Опцы сынамъ своимъ могилы указуютъ.
 Но слава — гдѣ она? — По гореспнымъ брегамъ
 За мысли, варвары! — несчастныхъ наказуютъ.
 Побѣдна пѣснь шебѣ, о Греція! чужда;
 Нѣтъ пламенной любви въ сынахъ къ землѣ родимой;
 Въ сердцахъ ихъ кроется лишь тайная вражда
 Къ пиранамъ, къ люлости Агарянъ нестерпимой.
 Среди райскія спраны одинъ корокъ цвѣшетъ,
 Духъ злобойной алчности, коварныхъ ухищреній;
 Героевъ родина — вопль твой презрѣнный плодъ;
 Сыны твой шеперь не стоютъ сожалѣній.

Случилось тамъ, о чемъ хочу повѣствовать,
Чему безъ слезъ не могъ я въ первый разъ внимать.

Тамъ черная скала пѣнь въ море простираешь,
Подобно парусу разбойника въ волнахъ;
Рыбарь опъ ужаса мѣстъ дикихъ убѣгаетъ,
Бояся ладію упрятить при брегахъ,
И веслами свой бѣгъ въ волнахъ ускорить щипишь,
Подъ парусъ ловишь вѣпръ и къ пристани спѣшишь,
Чтобы съ добычею опъ грознаго укрыться,
И въ безопасности плода прудовъ вкусишь.

Кто всадникъ сей, какъ вихрь, вдоль берега лепящій?
И конь подъ нимъ, какъ вранъ, чернѣется вдали,
И шопотъ опъ конышъ, какъ громъ, межъ скалъ гремачій,
Вселяетъ ужась онъ, скрываясь въ пыли;
По удиламъ пещетъ клубяся бѣла пѣна.
Иль всадникъ сей бѣжитъ опъ горестнаго плѣна?
Умолкнулъ Океанъ, волнъ стихнулъ ревъ глухой.
Но ты, о Джяуръ! ты упрятилъ свой покой!
Заупра всѣнишь вихрь потоки молчаливы,
И буря грозная брегъ стихій возмутишь.
Въ груди пвоей давно, о Джяуръ горделивый!
Волненье грозное, какъ Океанъ, кипишь.
Не знаю я тебя, шу землю ненавижу,
Въ которой ты рождай; но мрачныя черты
Узнаю, если ихъ кончаяся увижу;
Ихъ шверды въ памяти остались слѣды.
Ты бѣгъ, какъ огонь ночной злобщій, устремляешь,
Къ землѣ нахмуренный взоръ мрачный обратишь,
Ты въ блѣдности спрастей порывы сокрываешь,
И злобнаго врага пророку, мнѣ открылъ.

Я взоромъ слѣдовалъ быспропекущу бѣгу,
Но скрылся онъ во тѣмѣ, какъ метеоръ ночной;
Лишь эха дальній звукъ разносится по берегу,
И слышанъ по скаламъ отзвѣвъ его глухой.
Какъ пягостенъ тому, кто взоровъ избѣгаетъ,
И незнакомца видъ, и звѣздъ небсныхъ свѣтъ!

Онъ обращая взоръ , какой искалъ предметъ ?
 Или онъ на него въ послѣдній разъ , зриаешь ?
 Собравшись съ духомъ , конь пропалъ , исчезъ ошь глазъ :
 Чпожь всадникъ думалъ шамъ въ полночный . темный часъ ?
 Куда онъ проспиралъ взоръ пламенный , гнѣвливой ?
 Чего искалъ въ тѣни дубравы онъ , оливною ?
 Не досягнешъ его мечетей яркій свѣтъ ,
 Ни звуки яроспны селистры воспаленной ,
 Ни гласъ , что Мусульманъ къ молению зовешъ
 И Беирама (4) имъ гласишъ приходъ священный .
 Чпо наши празднества , невѣрный ! для тебя ?
 Иль нудяшъ бѣгъ они , или остановляють ?
 Въ одеждѣ спранника почто сокрылъ себя ?
 Иль думы грозну смерть кому угоговляють ?
 Во взорахъ я швоихъ зрѣлъ ужаса слѣды ,
 Но скоро ненависть ихъ мѣсто заступила ;
 Не гнѣва пурпуромъ покрылися черты ,
 Но блѣдность мертвая внезапно ихъ покрыва .
 Склоняешъ онъ главу , взоръ хладенъ и унылъ ,
 Единою рукой угрозу знаменуешъ .
 Мгновенье пребылъ онъ задумчивъ , нерѣшимъ ;
 Вдругъ гриву черный конь вздымаешъ и волнуешъ ,
 Подъемеется и ржешъ въ бѣгу неукропимъ ,
 И дума всадника разсѣялась мгновенно ;
 На сабли рукояшъ онъ руку опустилъ ,
 Вздохъ тяжкій излещѣлъ изъ груди угнетенной ,
 И ржаньемъ быспрый конь мракъ ночи огласилъ .

Ужь Христіанина глава во тѣмъ сокрылась ,
 Несется съ новою конь черный быспропой ,
 Въ минушномъ отдыхѣ мысль въ всадникѣ родилась —
 Онъ мчится , будпожь смерть гналась за нимъ съ косою .
 Мысль скорбна для него естъ вѣкъ воспоминаній .
 Для тѣхъ , кто спрасстію волнуемъ , оскорбленъ ,
 Въ минутахъ мрачныхъ сихъ унынья и мечпаній
 Вѣкъ цѣлый гореспи , спраданій заключенъ .

Чшо гордый ощущалъ, мгновенно опягченный
 Воспоминаніемъ прошедшихъ, тяжкихъ дней?
 Онъ мыслилъ о себѣ, и мигъ ничтожный, бранный,
 Въ печенѣи многихъ лѣтъ, какъ капля средь морей,
 Былъ для несчастнаго, какъ вѣчностъ безконечна.
 И ктожь проспранство по когда измѣришь могъ,
 Которое вмѣстиптъ въ волненѣи быспропечна
 Въ насъ совѣстъ смупная — во шѣмѣ безвѣспныхъ золь
 Тревожась памашью исчезнувшихъ смяшенѣи,
 Не зрящая бѣдамъ конца, ни ушѣшенѣи?

Одинъ ли Джяуръ былъ бѣглець опъ нашихъ спранъ?
 За чѣмъ невѣрный здѣсь, какъ призракъ, къ намъ явился?
 Да будешъ проклятъ онъ! Грѣхи твои, Гассанъ,
 Причиной, что чертогъ въ гробъ мрачный превратился!
 И Джяуръ здѣсь предспалъ, какъ вѣспникъ смерпныхъ бѣдъ,
 Какъ яроспный Симумъ (5), вѣспръ знойный и плетворный;
 Онъ мрачный кипарисъ съ огромныхъ корней рвешъ;
 Могила лишены прохлады благопворной;
 Усопшихъ вѣрный другъ, сраженный бурей, палъ.

И ты предъ яроспнымъ, Гассанъ, не устоялъ!
 Не видно спадъ твоихъ на пажитяхъ зеленыхъ,
 Не слышно голосовъ въ чертогахъ опустѣлыхъ,
 И спѣны ихъ паукъ подъ тканію сокрылъ.
 Въ Гаремѣ непопырь гнѣздо свое свиваетъ,
 Песъ дикій въ цвѣспникѣ межъ тернѣи завылъ,
 И въ башнѣ крѣпоспной лишъ филинъ обитаетъ.
 Подъ мѣлкой пылію поблекнули цвѣспы,
 Изсыкли въ мраморахъ пекущи быспры воды,
 Великолѣпные разрушились сады,
 Въ развалинахъ лежатъ бесѣдокъ пышны своды;
 Не отражается свѣспъ мѣсяца въ водахъ;
 Лишь запустѣніе тамъ звѣзды освѣщають,
 Журчанья больше нѣсптъ въ капящихся спруяхъ,
 Болоспны лиспвія берега ихъ покрываютъ.

Въ младенцеспствѣ на сихъ берегахъ Гассанъ гулялъ,
 У груди матери спокійно засыпалъ,

Внимая помногу журчанью рѣчки чистой.
 Иль въ пылкой юности свѣтъ мѣсяца сребристой
 Вспрѣчалъ на муравѣ прокладныхъ сихъ береговъ,
 Гдѣ пѣнье Одалискъ и рѣзвость ихъ игрива
 Одушевляли все въ пѣни густыхъ садовъ,
 И радость множили для юноши щаслива.

Не будетъ въ старости Гассанъ путь возлежать,
 Не будетъ солнца свѣтъ подѣ пѣнію встрѣчать;
 Изсякли водѣ струи, и кровь его остыла,
 И блѣдность смертная чело его покрыла;
 Слово гласомъ радости уже не изречетъ,
 Иль въ гнѣвѣ грозный взоръ къ виновнымъ не простретъ.
 Но эхо стоны памѣ и вопли повторяешь!
 То плачешь древняя, печальная жена,
 Гассана рождающая, пока слезный проливаетъ;
 Умолкла, смертію почила и она!
 Съ сихъ поръ въ чертогахъ все въ молчаніи глубокомъ,
 Лишь въ окна ливный дождь спучитъ и крупный градъ;
 Сова кричитъ во пѣмѣ памѣ въ шеремахъ высокомъ;
 Порывный вѣтръ свиститъ подѣ сводомъ пажкихъ вратъ,
 И странникъ, коему на брегѣ отдаленномъ
 Пріамень дикаго въ песокъ прибрежномъ слѣдъ,
 Не хочетъ отдыхать въ чертогѣ разоренномъ,
 Жилищъ призраковъ, мечтаній, грозныхъ бѣдъ.
 Хоть злато пышность стѣнъ еще напоминаетъ,
 Но плѣнія рука уже на нихъ прошла;
 На прагѣ мраморномъ памѣ ужасъ возсѣдаетъ,
 И слава брѣнная чертоговъ протекла.
 Факиръ зрѣтъ плѣніе въ пустыни изумленный,
 Дервишъ опъ грозныхъ буръ пріюму не найдетъ,
 Не вкуситъ сытныхъ яствъ; и странникъ утомленный,
 И бѣдный въ горести со вздохомъ прочь пойдетъ.
 Гостепріимства нѣтъ въ чертогахъ опустѣлыхъ
 Со дня, когда погибъ въ срединѣ горъ Гассанъ;
 И пышный кровь его, пріютъ осиротѣлыхъ,
 Покрылъ забвенія сгустившійся туманъ;

И нивы пучныя исчезли въ запустѣнны ,
 Съ полянью пернѣ густой плоды ихъ замѣнилъ
 Со дня , когда въ бою Джауръ въ оспервенѣнны
 Главу Гассанову отъ шѣла отдѣлялъ .

Я вижу : Мусульманъ толпа идесть въ молчаньи ,
 Одинъ лишь слышанъ звукъ размѣрныхъ ихъ шаговъ ;
 Чалмы и пышныя пестрѣющъ одѣяны ;
 Эмиръ (6) предводитъ ихъ на брегъ морскихъ валовъ .
 Кто пы? онъ мнѣ възвалъ . — Пророка чпитель вѣрный !
 Вступи въ ладью ко мнѣ и съ бременемъ своимъ ,
 Какъ вижу , для тебя любезнымъ , драгоценнымъ —
 Ты рекъ . Вези меня шуда , къ скаламъ крупнымъ ,
 Опчаливай ладью , и волны разсѣкая ,
 Лови подъ парусъ въпръ , межъ камней пробѣгая ,
 Довольно , приплыли ! пловець , окончи прудъ ;
 Спуская паруса , остановися шупъ .

Вопъ бремя шажкое въ пучину повергающъ ,
 Восколебался верхъ лазурныхъ , шихихъ водъ ;
 Лучи отъ мѣсяца поверхъ спруи играющъ ;
 Все тихо на водахъ , безмолвенъ неба сводъ .
 Какъ камень , бремя по мгновенно погрузилось ;
 Круги минупные его являли слѣдъ ;
 Изгладились они , и шайнство сокрылось ,
 И слуха на земли о немъ межъ смерпныхъ нѣшъ .
 Одни лишь Геніи скалъ дикихъ шайну знающъ ,
 Но въ шрепешъ они нѣмѣющъ и молчашъ ,
 Робѣя , шайнства волнамъ не повѣряющъ ,
 Въ коралловы свои убѣжища спѣшашъ .

Какъ въ зеленѣющихъ равнинахъ Кашемира
 Блестящая лепишъ царица мотыльковъ (7) .
 Лазурью нѣжною украшена эфира ,
 Разнообразная всей прелестью цвѣшовъ ;
 И ошрокъ въ слѣдъ за ней Зефиромъ поспѣшашъ ,
 Стараясь въпрену на розѣ уловишъ ;
 Но златокрылая взвиваясь улешашъ ,
 И юный въ слѣдъ ловець съ досадою спѣшашъ .

Подобно мотыльку , во цвѣтѣхъ лѣтъ весеннихъ ,
 Любовью страстною играетъ красота ;
 Терзаніе сердце , желанья безнадежны ,
 Забавы для нее , печаль любви — мечта ,
 И страсть несчастная , безумья порожденье ,
 И слезы горькія . мученья — шутки ей .
 Но если оцупитъ душевное волненье ,
 Вселится въ сердце страсть ; разславленныхъ състей ,
 Обуреваема любовью , не отринетъ ;
 Въкъ цѣлый горести , несчастливой удѣлъ ,
 Блаженство , рай души , съ невинностью погибнетъ ,
 И горестямъ ея лишь гробъ одинъ предѣлъ .
 Муцины кроткая играллицемъ пребудетъ ;
 Отъ обладанія , въ любви остынетъ онъ ;
 Лишенну прелестей , обманушу забудетъ ,
 Оставитъ въ память ей раскаянье и стонъ .
 Поиманъ мотылекъ , погибнетъ крыль лишенный :
 Забыта милая по краткомъ наслажденьи ;
 Не можешь онъ порхашъ съ цвѣточка на цвѣтокъ :
 Ей , безъ невинности , отрада — слезный покъ .
 Подругу мотылекъ при смерти не укрепитъ :
 И обольщенная защиты не найдетъ ,
 Въ терзаньяхъ за предѣлъ сей жизни перейдешъ ;
 Могила сирюю опчаянье ей роетъ ;
 И снисходительна къ проступкамъ лишь своимъ ,
 Подруга помощи не дастъ бѣдамъ чужимъ .

Душа преступная , раскаяньемъ гонима ,
 Какъ злобный скорпионъ на пламени лежитъ ;
 Жестокой болію , спраданіемъ помимый ,
 Отъ пламени онъ кругъ всечасно свой тѣснитъ ;
 Но всюду огонь его жестокой достигаетъ ;
 Терзаемый , себя онъ жаломъ поразилъ .
 Виновный человекъ въ терзаньяхъ погибаетъ ;
 Какъ скорпионъ огнемъ , онъ совѣстью палимъ ;
 Закрыты для него небесныя селеня ,
 Отвергнувъ въ горести сырою онъ землей ;

Терзаемъ пламенемъ душевнаго волненья ;
 Отчаянье предъ нимъ , мракъ ночи надъ главою . . .

Задумчивый Гассанъ гарема удалялся ,
 Красавиць мрачный взоръ любезныхъ не искалъ ;
 Къ ловившѣ гласъ его въ поляхъ не раздавался ;
 Онъ въ думу погруженъ , безмолвенъ пребывалъ .
 О ! не былъ онъ шаковъ , какъ милая Леила
 Въ гаремѣ первую владычицей была !
 Но странная молва весь городъ огласила :
 Вѣщаютъ , что она Джюра предпочла .
 Но гдѣ она ? о томъ одинъ Гассанъ лишь знаетъ .
 Пускай безсмысленну молву вѣщаютъ намъ ,
 Что въ ночь , когда мечеть свѣтъ яркій озаряетъ ;
 Въ мгновеніе , когда начнется Беирамъ ,
 Черкесскою она одеждой покровенна ,
 Въ объяхъ Джюра смѣялась надъ побой ,
 О горестный Гассанъ ! и въ бѣгъ съ нимъ устремленна ,
 Сокрылась , хищника увлечена рукой .

Гассану горести душа его вѣщала ;
 Но ясенъ , нѣженъ былъ Леилы милый взоръ .
 Душа любовника къ ней страстию пылала ;
 Не зналъ онъ ревности , ни злобы , ни укоръ .
 И въ то ужасное для бѣднаго мгновенье ,
 Когда измѣнница пустилась въ дальній бѣгъ ,
 И попомомъ коня попряся моря брегъ ,
 Гассанъ въ мечеть пошелъ Аллѣ принести моленье .

Вздремавшій черный стражъ владыкъ шакъ вѣщаль ;
 Но воинъ рѣчь его въ неправдѣ обличалъ
 И возвѣстивъ , что въ часъ спокойствія полночный ,
 При свѣтѣ томныхъ сквозь облако луны ,
 На брегъ моря зрѣлъ , какъ конь Джюра мочный
 Промчался какъ спрѣла вокругъ сѣрыхъ скалы ,
 И всадникъ былъ одинъ , безъ дѣвы въ бѣгъ пустился .
 Ни чей съ Леилинымъ взоръ смертный не сравнился .
 Возможно ль описатьъ опъ черныхъ блескъ очей ?
 Глаза Черкашенки , какъ камень Джіамшида (8) ,

Сверкали множественномъ пылающихъ огней.

Нѣшь словъ, чѣмъ выразишь ея пріятность вида.

О Магометь! и ты, когдабъ ее узналъ,

Призналсябъ, что душа въ семь нѣлъ обитаешь,

Что бранный сей сосудъ столь прелестней вѣщаль,

Колико смертный умъ едва ли постигаешь.

Въ Леилъ есть душа! Пусть томкій Аль — Сирапъ (9),

Когда чрезъ огненно пройдемъ по немъ мы море,

Изчезнешъ подо мной, все буду я вѣщать :

Въ Леилъ есть душа! и если жизни горе

Въ объясняхъ Гурій я опять сужденъ вкусить,

Въ Леилъ есть душа! все буду я швердить.

Муфтіи избравшійшій когда бы зрѣлъ Леилу,

Узрѣлъ бы Божества изъ-подъ ресницъ лучи,

Узналъ бы прелестей ея небесныхъ силу.

Власы волнистые касались земли,

Румянецъ на щекахъ какъ яркій цвѣтъ гранаты,

А ноги спройныя блестящей бѣлизной,

Какъ снѣгъ, изъ сѣрыхъ пучъ свергаемый зимой.

Какъ лебедь въ гордости межъ мѣлкихъ пшпцѣ крылатый,

Такъ межъ служительницъ Черкашенка идешь.

Главою выше ихъ, и прелестію спана

Въ богиняхъ равную едва ли себя найдешь;

Въ прелестныхъ первая она изъ Франгестана (10).

И лебедь съ гордостью махнешъ крыломъ своимъ,

Коль человекъ къ нему ходъ смѣлый направляетъ :

Леила дерскаго воззрѣнемъ однимъ,

Восторги, похвалы и десь ознаменовашъ.

Пріятность въ поступи, въ улыбкѣ красоты —

Щастливъ превыше всѣхъ любимый смертный ею!

Но кто же нѣжду спроситъ дѣлалъ въ блаженствѣ съ нею?

О горестный Гассанъ! кто щастливъ былъ? . . . Не ты! . . .

Эмиръ Гассанъ идешь; въ далекий ходъ пустился,

И двадцать воиновъ идутъ за нимъ во слѣдъ;

Блестящей саблею Эмиръ вооружился,

Той саблей, вѣспничей Албанцамъ смертныхъ бѣдъ.

Въ долинь Парнѣ ей бунтующи разились ,
 Ихъ мало горьку вѣспѣ въ жилища принесли ;
 Перунами его разбойники смирились ,
 И смѣло войны за нимъ въ сраженьи шли.
 Вѣщаютъ : вѣрную Гассанъ супругу ищеть ;
 Леила дерзкая оставила Гаремъ ;
 Коварная ! она утѣхъ себѣ не сыщеть ;
 И кто же ? Джяуръ ей Гассану предпочтенъ .

Последніе лучи блестящаго свѣшила
 Источника спрую едва , едва злапашъ .
 Прохлада . роскоши л обимца приманила ;
 Тамъ Грекъ , на солнечный взирающій закапъ ,
 Въ покоѣ , въ пишинѣ , безпеченъ отдыхаетъ ,
 Отъ угнѣшанелей далеко , на берегахъ
 Спруи прохладныя , онъ радости вкушаетъ ;
 Рабъ въ шумномъ городѣ , свободенъ въ сихъ мѣстахъ ,
 Вино вкушаетъ онъ , сей нектаръ запрещенный
 Для Мусульманина и мерзостный ему .

Татаринъ на конѣ , желѣзомъ оруженный ,
 Передъ Гассаномъ шель ; владыкъ своему
 Въ шѣснину горную дорогу открываетъ ;
 Плащъ желтый на плечахъ вѣтръ сильный развѣвалъ .
 Емиръ во слѣдъ ему въ молчаньи выступаетъ
 Подъ шѣнь угрюмую нависшихъ , черныхъ скалъ .
 Тамъ хищны коршуны острятъ о камни клѣвы ,
 Кривавой добычи съ разсвѣтомъ упра ждуть ;
 Сложившій зимня ручей съ себя оковы
 Изсякнулъ на пущи , гдѣ войны идутъ ,
 И только отъ весны оставилъ слѣдъ незримый ,
 Поросшій шернемъ , кустарникомъ сухимъ .
 Съ вершины дикихъ скалъ тамъ громъ неукротимый
 Раскашомъ яростнымъ и молньеннымъ своимъ
 Опшоргъ и раздробилъ гранитъ въ пропикъ твердый ;
 Но верхъ скалы еще за облакомъ сокрытъ .

Достигъ Емиръ пущи хреазъ боръ сосновый , черный ,
 И слышитъ *Бисмилла* (11) ведущи говоритъ ;

Долина впереди цвѣтуща запестрѣла.
 Ускоримъ быстрый бѣгъ коней ретивыхъ шамъ—
 Вдругъ пуля сквозь главу свистяща пролетѣла;
 Ташаринъ впереди Гассана палъ къ ногамъ.
 Рабы Гассановы безгласны упадаютъ,
 Надъ ними грозна смерть, впереди позорный плѣтъ;
 Напрасно мщеніе кончаясь призываютъ,
 Въ тѣснинѣ падаютъ между граничныхъ спѣтъ.
 Не защищаютъ ихъ ни сабли смертоносны,
 Ни ружій молніи враговъ не достигнутъ;
 И даже прерванъ путь въ бѣгъ робкій и поносный;
 Враги незримые исходы все спрегутъ.
 Одинъ Гассанъ коня впередъ пускаетъ смѣло,
 Но свистомъ пуль и онъ въ пущи остановленъ.

Безплоднымъ мужествомъ въ немъ сердце закипѣло,
 Вздываются усы (12), лешипъ онъ разъяренъ;
 Сокрытые враги явились изъ засады,
 И отъ рабовъ его стремятся сабли взять;
 Предъ ними рушатся послѣднія преграды.
 Гассановъ гласъ прешипъ оружье имъ отдастъ,
 И унывающихъ ко брани подкрѣпляетъ.
 Падутъ безмолвствуя; владыки гнѣвъ спрашивай,
 Чѣмъ рѣзкій пули свистъ и грозный блескъ мечей.
 Но вотъ враги свой бѣгъ къ Гассану устремляютъ.

Кто вождь ихъ яростный, предпеча смерти злой?
 » Онъ, онъ! « вѣщаль Гассанъ: » вотъ знаки преступленій;
 » Вѣглець закона ты — да будетъ надъ тебѣй
 » Проклятіе Аалы! О вѣстникъ разрушенія!
 » Напрасно ты себя въ одеждѣ чуждой скрылъ;
 » Сподвижникъ черный копь тебѣ изобличаетъ;
 » И горе, сопостать! коль ты меня лишилъ
 » Лейлы! смерть тебѣ мой мечъ угоповляетъ.»

Великая рѣка, спремяся въ Океанъ,
 Съ нимъ грозно борется, вливая сини волны;
 Вздвигаются они, нося насильну дань,
 Блистаютъ, какъ въ ножахъ ярищись въ пущи молнии;

Какъ сильный громъ , ревущъ , мутя съ водою иль ;
 Трепещеть бурю смятенный брегъ песчаный ,
 И пѣной Океанъ верхъ сѣрыхъ скалъ покрывъ .
 Сразились шакъ враги ожесточенны , рьяны ,
 Дробится въ ихъ рукахъ желѣзо , какъ проспникъ ;
 Блистающъ молніи селистры воспальной .
 Иной памъ смертію навѣкъ къ землѣ приникъ ;
 Другой грозитъ еще опъ раны изнуренный ;
 Блескъ сабель , пулей свистъ и пораженныхъ споаъ .
 Покой нарушили безмолвныя долины .
 Лепитъ ярящійся на пораженъе конъ ,
 Какъ буря грозная средъ водныя пучины .
 Ко груди пламенной любезную прижалъ
 Любовникъ , сладостныхъ ища объашій милой .
 И врагъ врага достигъ , сжимаетъ съ спрашной силой ,
 И дланью мощною ко груди приковалъ .
 Друзья увидѣвшись проспились , распахнутся ,
 Но для враговъ уже разлуки больше нѣтъ ,
 И узы ихъ тогда лишь только разорвутся ,
 Когда смерть грозная зашмищъ предъ ними свѣтъ .

Усиліемъ врага вдругъ саблю преломило ;
 Гассанъ лишь удержалъ златую рукоящъ ;
 Желѣзо мщению Гассана измѣнило ,
 Но онъ безпрежешный ишти не мыслищъ вспящъ ;
 И опдѣленная рука его упала ,
 Валялась по песку разсѣченна чалма ,
 И сабля вражія грудь смѣлую пѣрзала ,
 И кровь кипящая кашилащъ , какъ волна .
 Онъ палъ безчувственный , взоръ къ небу обращащъ ,
 Но умирающій врагу еще грозилъ ;
 Какъ будто ненавистъ и въ смертннй часъ вишая ,
 Аллу о-мщеній невѣрному молилъ .
 Взираетъ на него врагъ грозный , разъяренный ,
 Какъ мершвый взоръ его ужасный , омраченный .
 » Леила милая ! ты скрылася въ волнахъ ;
 » И Океана брегъ , Гассанъ ! швой принялъ пращъ !

- » Тѣнь милой смерти рекла , и ты пронзень , губитель !
- » Не слышишь клятвъ павоихъ Османовъ покровитель ,
- » Отвергъ мольбы Алла , себѣ спасеня иѣтъ .
- » Безумецъ ! ты не внялъ моленію Деилы .
- » Я мщенье уполилъ , и ты оставилъ свѣтъ ,
- » Враждебныхъ воиновъ купилъ наемны силы ;
- » Измѣнникъ ! иѣтъ себя , и ярый гнѣвъ упихъ ,
- » Одинъ , одинъ бѣгу опъ мѣстъ пропивныхъ сихъ . »

Заря всходящая багрѣнила пучину ,
 На пасву тучную спада изъ селъ идущъ ;
 Гассана рождаша просперла взоръ въ долину ,
 Покрыты гдѣ росой цвѣтны въ поляхъ распушь .
 Ужь наступаетъ день , задумавшись вѣчала ,
 И съ нимъ ко мнѣ придетъ возлюбленный Гассанъ .
 Встревоженна свой взоръ въ даль темну устремляла ,
 Зрится тамъ песчаный брегъ и синій Океанъ ;
 Вѣщаетъ : держишь что коней его репивыхъ ?
 Что брачныхъ не везешь мой сынъ ко мнѣ даровъ ?
 Что мѣшкаешь ? или онъ въ помыслахъ лѣнивыхъ
 Покоится въ тѣни развѣсистыхъ шапровъ ?
 Но щещна скорбь моя ! Ташаринъ подѣзжаетъ ;
 Вопь вижу , съѣхалъ онъ съ вершинъ послѣднихъ горъ ;
 И къ замку бѣгъ коня пропинкой направляетъ .
 Но что въ рукахъ его мой поражаетъ взоръ ?
 То брачныя дары , дары любезна сына .
 Чпожь вѣстникъ мѣшкаешь ? медленью что причина ?
 Подѣхалъ , сшелъ съ коня , въ врата уже идетъ ;
 Рука подъ ношею шрепещецъ упомленна ,
 И скорбь въ глазахъ его , онъ горьки слезы льетъ ;
 Одежда рапная на немъ окровавленна ,
 Преломленъ оспрый мечъ , разбита булава ;
 Смущенный , шрепешный , ко мнѣ онъ приснунаетъ ,
 Съ усиленъ дары сыновни открываетъ .
 Алла карающій ! . . . Гассанова глава ! . . .
 « Твой сынъ вступилъ во бракъ ужасный и кровавый ;
 » Я живъ , но воцлами я жизни не купилъ ;

» Вообрази палъ твой сынъ ! Миръ падшему со славою !
 » Погибни, Джяуръ злой ! Гассана онъ убилъ ! »

Чалма изсѣчена изъ сѣраго гранипа (13)

На мѣстѣ, гдѣ Гассанъ въ бою кровавомъ палъ,
 Могила дерномъ вся и листвиѣмъ покрыта,
 И другъ надгробный стихъ на камнѣ начерталъ
 И тайны словеса священна Алькорана.
 Не стало вѣрнаго, нѣтъ болѣ Гассана !
 Онъ палъ на родинѣ съ оружіемъ въ рукахъ.
 Да съ миромъ твой всегда почиѣтъ хладный прахъ !
 Напитокъ презиралъ ты вѣрой запрещенный,
 Въ молитвѣ обращалъ взоръ къ Меккѣ умиленный ;
 Врагъ кровію своею твой гробъ не осквернилъ ;
 Но въ хладной ты землѣ возлегъ безъ опомщенья !
 Свой свѣпмый рай Пророкъ передъ тобой открылъ,
 Отъ Гуріи райскаго ты вкусишь наслажденья,
 Въ объятыхъ свѣпдыхъ ихъ ты будешь возлежать,
 Небесну пѣнію блаженныхъ дѣвъ внимашъ.
 Награда вѣчная за вѣру убиеннымъ ! . . .

Но ты, убійцею содѣлавшись презрѣннымъ,
 Во адъ низвергнешься Монкировой (14) косою ;
 Земля во ужасѣ и прунъ отринеѣтъ твой.
 Внутрь сердца понесешь съ собою огонь ты вѣчный ;
 Терзанія твои пребудутъ безконечны.
 На свѣптъ ты излепишь терзатъ жену, дѣшей,
 И, варваръ ! кровію упившись своею,
 Любиму дочь свою всѣхъ больше разперзаешь ;
 Ея прелестный взглядъ сомкнется предъ тобой,
 И къ вяцшей горести ты мершвую узнаешь ;
 Своею власы ея опторгнешъ ты рукой,
 И въ злобѣ яростной вскрежещешъ ты зубами,
 Умершей разорвешъ еще пренецуѣтъ трупъ ;
 Кровь будешь испочашъ ты скверными усами,
 И духи адскіе съ тобою будутъ шунъ.
 Но нѣтъ—они тебя, о злобный ! успрашатся,
 Отъ шѣни мерзоспной со страхомъ удалятся.

« Кто сей, пустынною идущій прочь спезей,
 » Смиранный Калоеръ (15) съ поникшею главою?
 » Я встрѣтилъ разъ его на родинѣ моей,
 » Лепѣлъ онъ на конѣ съ ужасной быспропою.
 » Какъ память далеко опшедшія мечты,
 » Изобразились мнѣ забытыя черты.
 » Онъ мраченъ, горестенъ, какъ хладная могила,
 » И смерть на немъ печать и нынѣ положила.—

» Шестъ лѣтъ ужь протекли, какъ съ нами онъ живеть.
 » Не ищеть ли забыть великихъ преступлений?
 » Но гимновъ съ нами онъ хвалебныхъ не поеть,
 » И удаляется ошъ церкви и моленій.
 » Безмолвенъ слушаъ Спасителя хвалы,
 » Скрывается одинъ во мракъ унылыхъ келлій,
 » Не вѣдомъ родъ его, не знаемъ вѣры мы;
 » Душа его чужда таинственныхъ веселій.
 » Отъ Магометовыхъ сюда пришелецъ спранъ,
 » Онъ не послѣдуетъ закону Мусульманъ,
 » И еслибъ изъявлялъ къ мощамъ Святыихъ почтение,
 » Творилъ предъ тайнами Святыми поклоненье:
 » Тогда бы я сказалъ, что онъ опступникъ былъ,
 » Но къ вѣрѣ обратясь, дни Богу посвятилъ.
 » Дарами щедрыми онъ одарилъ обитель,
 » И пѣмъ Игумену любезнымъ, нужнымъ спалъ.
 » Но если бы я былъ здѣсь брашніи правитель,
 » Тогдабъ я чуднаго въ шемницѣ оковалъ,
 » Иль за врата бъ извергъ надменнаго душею.
 » Онъ часто насъ спрашитъ печалію свою,
 » И въ думахъ шягостныхъ онъ бродитъ по лѣсамъ;
 » Вѣщаеть, одержимъ ужаснымъ бѣснованьемъ,
 » О мщеніи, о бояхъ; вдругъ ослѣпленъ мечтаньемъ,
 » Взываетъ къ морю онъ; къ утесистымъ скаламъ,
 » О Мусульманинѣ, что палъ въ бою сраженный,
 » О дѣвѣ, средѣ валовъ погибшей, утешенной,
 » И мнишь, что мертвая кровавою рукой,
 » Изъ волнъ подъявшись, манишь его съ собой. »

Чело его какъ пѣма ; всегда уединенный ,
 Онъ взоромъ , поступью не сходствуешь ни съ кѣмъ ;
 Спраданьемъ , горесью , унынемъ упоженный ,
 Еще пріятность ешь и величавость въ немъ ;
 И огонь отъ грозныхъ глазъ , какъ молнія паяща ,
 И слово , какъ рѣка , съ граничныхъ скалъ гремяща ,
 Къ землѣ склоняющъ взоръ отъ дерзостныхъ очей ;
 Преступникъ , мнится онъ карающимъ судьей .
 Какъ змѣй дыханьемъ шницъ сражаетъ беззащитныхъ :
 Такъ онъ возрѣнемъ смущаетъ любопытныхъ .
 Не смѣетъ встрѣпиться опшельникъ робкій съ нимъ ,
 Улыбки горестной бѣжитъ какъ преступленья ;
 Въ улыбка зрится сей лишь къ бѣдствіямъ презрѣне ;
 Нѣтъ радости въ очахъ , веселье чуждо имъ ;
 Лишь мысли скорбныя прошедшія печали ,
 Воспоминанья бѣдъ его забавой спали .
 Онъ удивленія и жалости предметъ .
 Хошь образомъ суровъ , но важенъ , благороденъ ,
 Желаній всякихъ чуждъ , ему несносенъ свѣтъ ;
 Сраженъ печалію , но духъ его свободенъ .
 Не истребили въ немъ гоненія , бѣды ,
 Осанку важную породы знаменитой ,
 И благородства въ немъ остались слѣды .
 Какъ на развалинѣ , подъ шѣрніемъ сокрытой ,
 Пришлецъ , отъ зданія узря хошь сполбъ одинъ ,
 Разсмотритъ памятникъ величія съ вниманьемъ ;
 Простая жъ хижина съ смиреніемъ своимъ
 Не будетъ почтена его воспоминаньемъ .

« Се онъ сумраченъ , стихъ идетъ во древній храмъ ,
 » Но вдругъ задумчивый , въ дверяхъ спойтъ въ молчаньи :
 » Взирающъ на него спрашася братья тамъ ,
 » Внушаетъ ужасъ онъ и робко соспраданье .
 » Когда священный хоръ хвалебну пѣснь поешъ ,
 » И въ храмъ торжество огнями освѣщенно ,
 » Онъ удаляется , ту пропивенъ свѣтъ ,
 » Идешь подъ мрачный сводъ , спойтъ уединенно .

» Тамъ снявъ во тьмѣ съ чела угрюмый свой покровъ ,
 » Разсѣяно опшоль внимаешь онъ моленьямъ ;
 » Власы рассыпались по выѣ съ небреженьемъ ,
 » И блѣдень , мраченъ онъ , и взоръ всегда суровъ .
 » Горгона , кажется , снимая змій ужасныхъ ,
 » Вѣнчаетъ мрачную преступника главу .
 » Онъ злобный , адскій духъ , надменный , но несчастный ,
 » Здѣсь распозилъ дары гордынѣ въ похвалу ;
 » Не благочестіемъ , одеждой сходный съ нами ,
 » Онъ жизнь опшельниковъ священною не чтишь ,
 » Не произноситъ клятвъ святыхъ предъ олшарями ,
 » И о спасеніи души онъ не рачитъ .

» Когда священное во храмѣ пѣснопѣнье

» Вливаетъ въ души намъ таинственно веселье ,
 » Блѣднѣешь онъ погда сумраченъ и уныль .
 » Всевышній ! не Тебя ль мужъ злобы прогнѣвилъ ?
 » О , удали его ! Смиренная обидель
 » Да будешь предъ судомъ твоимъ всегда чиста ,
 » И гнѣвъ карающій , прошивныхъ испребитель ,
 » Да не разитъ сіи священныя мѣста !
 » Прешупникъ онъ , но мы передъ тобой смиренны .
 » Пусть грянешъ громъ надъ нимъ , и мимо насъ идетъ !
 » Когда геенскій Князь , пронъ , молней опаленный ,
 » Оставляя , съ яростью на дневный выдетъ свѣтъ ,
 » Онъ въ образѣ его скрываетъ ликъ свой черный .
 » Небесной , ни земной нѣтъ въ мужѣ семь черты . »

Коль сердце крошкое любви предастся вѣрной ,
 И нѣжнoshi сорветъ прелестныя цвѣты ,
 Падентъ оно въ борьбѣ съ несбывшимся желаньемъ ,
 Оставитъ нѣжну спрасть изнурено спраданьемъ .
 Лишь твердыя сердца способны вѣкъ любить ;
 Ничто не можешь въ нихъ язвъ спрасти изцѣлить .

Металль , изъ нѣдръ земли переходя въ горнило ,
 Отъ дѣйсвія огня спановится свѣтлѣй ;
 Коль пламя отъ него перспъ грубу ~~бѣднѣе~~ до ,
 Полезенъ онъ погда иль вреденъ для людей .

Онъ брони видъ пріязь , грудь пверду защищаентъ ;
 Иль въ образъ меча смертельно уязвляентъ ,
 Но первыхъ свойствъ своихъ не потеряетъ въ вѣкъ .
 Такъ милой женщиной плѣненный человекъ
 Съ душою пвердою , бѣдами пораженный ,
 Гонимъ судьбой , умретъ съ любовью неизмѣнной .

Уединеніе не есть конецъ страстей ,

И если кончашся , то слабая опрада ;
 Въ безмолвной тишинѣ , далеко отъ людей ,
 Нещасному и врагъ какъ сладкая награда ;
 И злонныя руки карающій ударъ
 Для одинокаго , благаго Неба даръ .
 Возмнитъ онъ , смертною спрѣлою пораженный ,
 Что въ опдаленіи , въ пустынѣ не одинъ .
 Кто въ щастіи одинъ , не есть совсѣмъ блаженный ;
 Безъ друга вѣрнаго веселью нѣтъ причинъ .
 Коль радость щастія ни съ кѣмъ не раздѣляемъ ,
 Нечистое тогда блаженство мы вкушаемъ .

Святая дщерь небесъ , начало добрыхъ дѣлъ ,
 О крепость ! если твоей огонь въ сердцахъ изпребишся ,
 И лучъ оправданий твой угаснулъ , попомнишь :
 То злая ненависть въ душахъ тогда родишся .
 Спраданія ея подобны мукѣ той ,
 Когда бы мертвый трупъ , источенный червями ,
 Воззванный къ жизни вновь чудесною рукой ,
 Спѣсенный влажными могильными спѣнами ,
 Не могъ перзающихъ отъ пѣла опдалить ,
 И боль отъ тяжкихъ язвъ жестоко уполить .
 Но муки горести , съ жестокою поскою ,
 Какъ радость сладкая , блаженство жизни сей ,
 Въ сравненіи съ бѣдственной душевной пустошою .
 Коль небо лишено блистающихъ лучей ,
 Иль тучей мрачною оно не оптѣнишся ,
 Уничіемъ небесъ взоръ смертный утомишся .

Нещасный , изъ валовъ извергнушый на брегъ
 Шумящаго въ дали подъ бурей Океана ,

Внимаешь радостно свистящій вихрей ревъ.
 Онъ плывъ бы весело сквозь темну мглу пумана
 По яростнымъ волнамъ, на вешкомъ, ушломъ ннѣ,
 Тонимый вѣтрами безъ веселья, безъ кормила,
 Боролся бѣ съ смертію на пѣнистой волнѣ;
 Чѣмъ ждашь, чтобъ смерть его въ дни поздни поѣшпила
 Бродящаго въ дали, въ пустыняхъ и лѣсахъ,
 Безъ жизни жившаго въ безмелвыи на скалахъ.

« Опшельникъ, въ юности вселившійся въ обитель,

- » Молящійся весь вѣкъ, безгрѣшный по дѣламъ,
- » Грѣховъ всей братіи смиренный разрѣшитель!
- » Ты внемлешь съ кротостью раскаянья словамъ:
- » Изъ бѣдствій ты одиѣ болѣзни пѣла знаешь;
- » Не вѣдомы тебѣ перзанія спраспей;
- » И скорби сердца ты пѣмъ только понимаешь,
- » Чпо въ покаяніи ихъ слышишь опъ людей.
- » Ты святъ; но не жилъ . . . я, я жилъ, и средь мученій
- » Изъ чаши радости отпраду исшиваль;
- » Но чаще пилъ сосудъ душевныхъ огбреней,
- » Печали на пуши, спраданаія встрѣчалъ.
- » Часы опасностей и радостей минушы,
- » Веселы шоржества, и скорби сердца люшы
- » Разнообразили мяжежной жизни пушы;
- » То розами его, шо перномъ покрывали.
- » Опъ скуки шягостной умѣлъ я ускользнуть.
- » Теперь остались мнѣ одиѣ, одиѣ печали,
- » Изчезли радости, въ душѣ надежды нѣпшъ,
- » Предмета нѣпшъ любви, и ненависть проспыла;
- » Мнѣ шягостненъ лучей полдневныхъ, яркихъ свѣпшъ;
- » Съ душевной пустошой жизнь скучная постпыла.
- » Желалъ бы лучше я презрѣннымъ червемъ быть,
- » Подъ сводомъ мрачныи темницы пресмыкапша,
- » Чѣмъ недѣяптельнымъ въ покоѣ грустномъ жить,
- » И въ размышленія холодны углубляпша.
- » Боюсь бездѣйствія, несносенъ мнѣ покой;
- » Но тайное въ душѣ я чувствую желанье

- » Покоя вѣчнаго; и скоро, смерть, побой
- » Исполнился души послѣдне ожиданье.
- » Опть жизни опойду, засну я вѣчнымъ сномъ,
- » Воспоминанія исчезнутъ преступлений,
- » Надежды тщетныя опрадъ и восхищеній,
- » И встрѣчу, грозну смерть съ спокойнымъ я теломъ.

» Воспоминаніе веселыхъ дней, щасливыхъ

- » Изчезло для меня, и съ нимъ души покой.
- » О! еслибъ я погибъ блаженства въ дняхъ игривыхъ,
- » Не зналъ бы пыгости печали мрачной злой.
- » Душа предъ бѣдствіемъ моя не шепсала,
- » И произвольныя я смерти не искалъ;
- » Презрѣнные пужи лжемудрыхъ опвергала;
- » Неколебимъ и твердъ во мнѣ духъ пребывалъ.
- » Когда бы я служилъ подъ знаменами славы,
- » То бъ, смерти не боясь, пошелъ на встрѣчу ей;
- » Но я вкусилъ любви и сладость и оправы,
- » И не искалъ вѣидовъ средъ боевыхъ полей.
- » Что мнѣ до почестей и суетныхъ и бранныхъ,
- » Пріятныхъ для глупцовъ, для воиновъ наемныхъ?
- » Но пусть велятъ врагу могущему опмстить,
- » Или любезную испоргнуть изъ неволи:
- » Тогда меня ничто не можетъ успрашить;
- » Я смѣло понесусь средъ бранныхъ юдоли,
- » Сквозь огонь на смерть и страхъ, на пысячи мечей;
- » Умру, иль досягну до цѣли я моей.
- » Языкъ мой истину передъ побой вѣщаетъ.
- » Духъ гордый грозну смерть и ужась презираетъ;
- » Духъ слабый, зря ее, безъ ропота умретъ;
- » Нещастный въ бѣдствіяхъ опрадой смерть зоветъ.
- » Всевышній! жизнь моя Твоей руки даанье,
- » Тебѣ единому я возвращу Твой даръ.
- » Не зналъ я въ щастіи, что робко содроганье;
- » Не убоюсь теперь, послѣдній зря ударъ.

» Отецъ мой! я любилъ . . . . не тщетными словами,

- » Не воздыханьями я изъявлялъ любовь.

- » Нѣтъ , нѣтъ ! я доказаль любовь мою дѣлами .
- » Зри на мечѣ моемъ запекшуюся кровь :
- » То черна кровь врага , жестокаго пирана ;
- « Коварный за меня Леилу погубиль .
- » Ты содрогаешься , колѣно преклониль ,
- » И смертна видися тебѣ кровава рана . . . . .
- » Нѣтъ , опче ! не спрашись и вѣрь , я не злодѣй ;
- » Мною Христіанъ сраженъ жестокой врагъ , губитель .
- » Онъ мною перешель въ свой сладостраспный рай ;
- » Въ объятія Гурій я его пушепроводитель .
- » Опшельникъ ! опъ меня свой взоръ не опрацай :
- » Я пламенно любиль , я обожаль Леилу .
- » Кто предприимчивъ , смѣль , шопъ щаспливъ и любимъ !
- » Не щещно я вздыхаль , любви познавши силу ;
- » Она пронулася спраданіемъ моимъ .
- » О ! душшебъ пребыла она Гассану вѣрной !
- » Неумолима по совѣспъ говоритъ ;
- » И въ гореспи моей , жестокой и безмѣрной ,
- » Кончины не могу ея изобразить .
- » Но на челѣ моемъ пы видишь преспуленье ,
- » Проклятье Каина начертано на немъ .
- » Соперникъ зрѣль къ себѣ Леилы опрацаенье ,
- » И казнь ея свершилъ . Въ опчаянни моемъ
- » Я мспиль за казнь ея жестоку , но правдиву . . . .
- » Я самъ бы въ ревности ее не пощадиль ,
- » И грозный былъ бы врагъ сопернику щаспливу .
- » Но сердце я пвое , Леила ! покориль :
- » Ты опдала мнѣ по , чего пиранъ презрѣнный ,
- » Кичливый властію , достоинъ бытъ не могъ ;
- » Ты сердце опдала . Но казнью пораженный
- » Леилы , злобнаго въ бою я превозмогъ ;
- » Онъ праху пвоему мной принесень на жертву .
- » Но зло ли ешь , въ бою пастъ безъ спраданья мершву ?
- » Покоень онъ ; а я . . . . . я ужаса предметъ .
- » *Тасирб* ему вѣцаль о смерпи неизбѣжной (16) ;
- » Задолго сдаспты пуль , идя спезей прибрежной ,

- » Услышавъ произнестъ , что онъ оставитъ свѣтъ .
- » Блаженъ , кто жизнь въ бою окончитъ безъ спраданій !
- » Рассанъ узналъ меня , и Аллу призывалъ ;
- » Я зрѣлъ его среди мученья и перзаній ,
- » И смертную его минушу уловлялъ .
- » Какъ въ дебри леопардъ , изъязвленный стрѣлами ,
- » Бѣрлся съ смертью онъ , и мещъ въ его глазахъ
- » Блиспала яростно сквозь смертные туманы .
- » О ! щаспливъ бы я былъ , когда бы видѣлъ страхъ ,
- » Когда бъ раскаянье , его кровавы раны
- » Терзая съ злобою , могло мученья длить ,
- » И онъ бы призывалъ и милость и прощенье ,
- » Спарался бы меня къ пощадѣ преклонитъ ,
- » Но только бы сыскалъ позоръ и униженье .
- » Въ полночныхъ жипеляхъ , средь мраза и снѣговъ ,
- » Течешъ кровь хладная , ихъ воздуху подобна ;
- » Любовь пылающа у нихъ не есть любовь ,
- » Къ движеньямъ пламеннымъ , ужаснымъ неспособна .
- » Во мнѣ , какъ Эпны огонь , она въ груди кипитъ
- » И пожигаетъ все , какъ лава изверженій ;
- » Пріятныхъ , сладкихъ словъ языкъ не говоритъ ;
- » Не знаю нѣжности я льспивыхъ выражений .
- » Но если огонь въ моей бунпующей крови ,
- » Трепещущи уста , разсудка удаленье ,
- » Въ спраданьяхъ мужество , и встоду дерзость , мщенье
- » Суть доказательства и спраспи и любви :
- » Тогда любилъ и я ; и въ спраспи сей мяшежной
- » Успѣха я искалъ , иль смерти неизбѣжной .
- » Грядетъ , грядетъ она . Но я ужъ щаспливъ былъ ,
- » И убоюся ли судьбины и тоненій ?
- » Душа моя шверда средь бури и смяшеній ;
- » Въ печенъи дней моихъ я все переносилъ ,
- » Воспоминаніемъ превожусь я Леилы .
- » Но еслибъ снова мнѣ сказали въ мѣрѣ жипь ,
- » Согласенъ я спрадапъ до хладныхъ могилы ,
- » Но буду въ новый вѣкъ опять ее любить .

- » О отче ! чувствую раскаянья шерзанье ;
- » Не думай , чтобъ меня смущалъ жестокий врагъ ,
- » Но жертвы горестной его воспоминанье :
- » Она погребена въ бунтующихъ волнахъ !
- » Почто земля ея прахъ бранный не пріяла ?
- » Душа бѣ моя ее могилу отыскала ;
- » Рукою ископавъ кремнистый , пшвердый брегъ ,
- » Я на послѣдній одръ съ Лейлою бѣ возлегъ .
- » Лейла , свѣтъ души , небесное шворенье !
- » Ты въ мрачной жизни мнѣ свѣспильникомъ была ,
- » Тебѣ принадлежитъ души моей шерпѣнье ,
- » На верхъ блаженства пы меня съ собою ввела .
- » Любовь естѣ даръ небесъ , огонь чистый и безшмершныи ;
- » Она насъ Ангеламъ подобными шворитъ .
- » Творецъ создалъ ее во благоспи безмѣрной ,
- » Чшобы спрасней земныхъ рабами намъ не быть .
- » На небо праведникъ возносится смиреньемъ ;
- » Съ любовью радости живущъ у насъ въ сердцахъ ;
- » Священный огонь любви намъ служитъ обновленьемъ ,
- » Мы съ нимъ , оставя плоть , живемъ на небесахъ .
- » Любовь естѣ лучъ иного , Кто создалъ все отъ вѣка ,
- » Вънець безшмертїа на сердце человека .
- » Но я не чистую въ душѣ позналъ любовь ,
- » Въ ней заключалися и помыслы земные .
- » Я осквернилъ ее , проливши злобно кровь ;
- » Лейлы жѣ спраснѣ была лучемъ любви святыя ,
- » Свѣспильникомъ души спрадающей моей .
- » Блеснулъ онъ . . . и пошухъ . Кто мракъ души разсѣветъ ?
- » Кто гробъ изроетъ мнѣ , гдѣ съедиюсь съ землей ?
- » Или плодъ горести еще въ сей жизни зрѣетъ ?
- » Когда надежды нѣтъ , когда печали мракъ .
- » Надъ горестной душой скопился тучей грозной ;
- » Нещастный смерть зоветъ ; его угрюмый зракъ
- » Являетъ ярости волнение безплодной .
- » Тогда безуміе низвергнетъ въ бездну золь ,
- » И къ горестямъ души приложитъ прешупленье .

- » Иль пропасть бѣдный зрѣшь , когда свершишь паденье ,
- » Иль спрашенъ для него земныхъ угрозъ глаголь ?
- » Ты будешь прешепать , чернецъ благочестивый !
- » Когда услышишь гласъ признанія правдивый .
- » Конечно для тебя дѣла мои спрашнѣй ,
- » Чѣмъ ярость коршуновъ ужасныхъ , кровожадныхъ ;
- » Ты скажешь : извергъ я , природы страхъ , злодѣй .
- » Такъ , много предъ собой я видѣлъ струевъ хладныхъ ,
- » Я ужась разсѣвалъ вездѣ , какъ хищный звѣрь ;
- » Но голубицею невинной наученный ,
- » Я спрасненъ , вѣренъ ей ; окончу жизнь шеперь
- » Съ любовью первою , нѣжнѣйшей , неизмѣнной .
- » Пусть вѣпреника я надменный вижу смѣхъ ,
- » Разнообразныхъ пусть алкаеть онъ ушѣхъ ;
- » Любовь единая , живя до тьмы могильной ,
- » Почтениѣ любви премѣнчивой , безсильной .
- » Предъ обольщенной какъ обольстителъ малъ !
- » О ! щаспливъ шопъ , кто имъ вѣкъ цѣлый не бывалъ .
- » Леила ! ты меня блаженствомъ надѣяла ,
- » Я жилъ , я чувствовалъ , я мыслилъ лишь побой ;
- » Проступковъ , горестей , надежды ты начало .
- » И еслибъ суждено мнѣ встрѣпиться съ другой ,
- » Съ побою сходною : для шроновъ всей вселенной
- » Я взора моего не обрапилъ бы къ ней .
- » Пусть не сравниается съ Леилою безцѣнной ,
- » Но не узришь она вовѣкъ моихъ очей .
- » И въ юности моей свершено пресупленье ,
- » И смертный одръ , гдѣ всѣ сокроются мечшы—
- » Ничто въ крови моей не возбудишь волнение .
- » Въ душѣ моей одна мечша : Леила , ты !
- » Она погибла ! . . я живу , я существую !
- » О ! скоро для меня зашмится дневный свѣтъ ,
- » Змию шипящую , вокругъ сердца обвѣшую ,
- » Ношу я всякій часъ , и мнѣ покоя нѣтъ .
- » Ужасна мнѣ земля ! Щаспливъ , когдабъ мгновенно
- » Я могъ испоргнушь изъ цѣпи есмешива .

- » Все въ мірѣ для меня противно , оправленно ,
- » Все мракъ вокругъ бѣднаго , забыта существа .
- » Опшельникъ ! не пверди ты мнѣ о покаяннн .
- » Ты знаешь все , и мой послѣдній близокъ часть ;
- » Не облегчнть меня пеперь твоей кропкнй гласъ :
- » Ты душу испытуй мою , отецъ , въ молчаннн .
- » Коль сострадателенъ ты къ горестямъ чужимъ
- » И жалость чувствуешь къ несчастнямъ моимъ :
- » Забудь о ннхъ ; нль дай ты снова жизнь Леилѣ .
- » Тогда прощенн я испрошу грѣхамъ .
- » Воззрн на лѣвицу ты : ее дѣшей лишили ,
- » Она скипается , рыкая по лѣсамъ ;
- » Возможно ль дать ея печали облегченье ?
- » Я обрѣту ль себя въ семъ мірѣ утѣшенье ?
- » Въ безпечной юности , въ началѣ красныхъ дней ,
- » Подъ небомъ родины , былъ другъ мнѣ драгоцѣнный :
- » Пошли къ нему залогъ сей дружбы неизмѣнной ;
- » Пусть слышннть грустнн въстѣ о смерти онъ моеи .
- » Въ мятежной жизни сей я краткнн минувшн
- » Воспомнннн о дружбѣ посвящаль ,
- » Но никогда я словъ его не забываль .
- » Онъ мнѣ предрекъ мои терзаннн , скорбн люты ;
- » Но я внималь ему съ улыбкой на устахъ .
- » Я зналъ ее тогда — и мудростн смѣялся :
- » Да содрогнется онъ ! О . въ дружескихъ словахъ
- » Предвѣденн даръ конечно заключался .
- » Все совершилося . Скажн , что въ жизни сей
- » Тревожной , бѣдственннн , хоть рѣдко вспомнннннн
- » Прошедшей юности прнпннхъ , тихнхъ дней ;
- » Но чувствуя тоску смертельной окончанье ,
- » Благословнль его . . . . Отпрннуть Небеса
- » О добродѣтели моленн порока !
- » А нѣжна дружества горячая слеза
- » Смягчнть ли грозное ко мнѣ гоненье рока ?
- » О ! да не плачетъ онъ . Кольцо ему отдай ,
- » Залогъ , врученнн мнѣ любезною рукою ;

- » И все, что видѣлъ ты, о томъ ему вѣщай :
- » Изсохшій трунъ , и духъ , терзаемый судьбою ,
- » И древо шоще , безъ листьевъ , безъ корней ,
- » И опаленное дыханьемъ бури знойной.
- » Не заблуждаюся я мыслію моею :
- » Нѣтъ , отче ! нѣтъ , не сонъ я видѣлъ безпокойный.
- » Я бодрствовалъ ; хотѣлъ , но щепино , слезы лишь .
- » Чело , какъ и шеперь , въ то время пламенѣло ;
- » Одной желалъ слезы , чпобъ пламень уполишь ,
- » Слезы цѣлительной , отрады въ скорбно пѣло .
- » Но нѣтъ ! отчаянье смѣется надо мной ;
- » Оно въ душѣ моей все , все превозмогаешъ .
- » Я : счастья не хочу . . . . одинъ , одинъ покой !
- » Въ желаніи его мой духъ ослабѣваетъ .
- » О отче ! здѣсь она ; я зрѣлъ ее , повѣрь ,
- » Въ покровы смертныя , могильны облеченну ,
- » Какъ звѣзду , что блеститъ надъ пучею шеперь ;
- » Блеснула . . . нѣтъ ее , сокрылася мгновенно .
- » Звѣзда блестящая ! я свѣтъ твоей сквозь шуманъ
- » Еще увидѣлъ разъ . Заутра мракъ сгустится ,
- » Покроетъ небеса и бурный океанъ :
- » Тогда мой хладный трунъ во мрачный гробъ вмѣстится ,
- » Душа къ обителю послѣдней оплешитъ .
- » Забыты бѣдствія ! Не ты ли здѣсь , Леила ?
- » Нѣтъ ; радости душа , воспорговъ не вмѣститъ .
- » Приди ! забыта будь безвременна могила !
- » Я воспрянулъ съ одра ; или бродящу пѣнь
- » Я прижималъ шеперь ко груди огорченной ?
- » О ! буди щастливымъ послѣдній жизни день ! . . . .
- » Нѣтъ ; духъ смущается напрасно изиуренный .
- » О горестей моихъ , желаній всѣхъ предметъ ,
- » Леила ! ты ль была ? иль щептное мечтанье
- » Затмило отъ очей уже бѣгущій свѣтъ ?
- » О драгоценная ! сверши мое желанье ,
- » Приди въ объятія и сердце успокой .
- » Нѣтъ ; только пѣнь одну въ мечтаньи обнимаю . . . . .

- » Вотъ молчаливая Леила предо мной!
  - » Веди меня, мой другъ , веди , я умоляю. . . .
  - » Леила! это ты? зрю черныхъ блескъ очей.
  - » Но ты скончалася , и въ смерти нѣтъ сомнѣнья :
  - » И злобный врагъ погибъ , своихъ губитель дней.
  - » Я видѣлъ гробъ его и смертныя помненья.
  - » Уже ль свой мрачный гробъ не могъ оставить онъ ?
  - » Но ты за чѣмъ пришла? Я знаю ; прокатились
  - » Валы поверхъ красотъ и заглушили симонъ. . . . .
  - » Нѣтъ ; бѣдствія вѣщаютъ уста мои закрылись.
  - » Когда жъ изторгнулась изъ бездны ты валовъ ,
  - » И новой пребуешь въ сырой землѣ могилы :
  - » Перстами мокрыми коснись моихъ власовъ ,
  - » И жаръ прерви чела, любезна тѣнь Леилы !
  - » А если не она . . . . . ахъ ! все пребудь со мной ,
  - » И руку мнѣ подай непрепешну , надежду ,
  - » Да вмѣстѣ оплешимъ мы въ пристань безмятежну ,
  - » Гдѣ бурь не слышанъ ревъ , ни волнъ свирѣпыхъ вой.
  - » Тебѣ я ввѣрилъ все , чернецъ благочестивый!
  - » Не ушайлъ себя я въ повѣсти правдивой ;
  - » Ты шайну вѣдаешь и имени и дѣлъ.
  - » Благодарю! о мнѣ ты, добрый, пожалѣлъ.
  - » Я плакать не могу ; нѣтъ слезъ въ глазахъ изсохшихъ.
  - » Когда опъиду я , мой хладный прахъ сокрой
  - » Между простыхъ могилъ невѣдомыхъ усопшихъ ;
  - » Надъ нимъ воздвигни крестъ безъ надписи , простой ;
  - » Прохожій на него въ пуши своемъ не взглянешъ ,
  - » И неизвѣснаго никто не вспомянешъ . »
- Вотъ все , что я узналъ на Греческихъ берегахъ
О дѣвѣ , о любви , о яростныхъ врагахъ .

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *Джлурѣ*, невѣрный. Симвъ именемъ Турки называють Христіанъ.
2. Мысь *Колонна* или *Колонел*, пошь же, что и древній Суніумъ.
3. *Гитара*, любимый инструментъ Греческихъ мореходцевъ. Въ тихія ночи звуки ея часто бывають слышны на поверхности морей Греческихъ.
4. *Рамазанѣ*, пошь, а *Беиралѣ*, праздникъ, карнаваль или маляница у Турокъ. Наступленіе его встрѣчается выстрѣлами и освѣщеніемъ мечетей.
5. *Силуилѣ*, вѣспрь пустынный, бѣдшвенный для каравановъ, часто упоминается въ Восточныхъ стихошвореніяхъ.
6. *Елиры*, янныме пошомки Магомешовы; они оплачивають зеленою одеждою.
7. Бабочки Кашемирскія красивѣе всѣхъ донныхъ извѣстныхъ и весьма рѣдки.
8. Славный рубинъ Сулшана Джіамшида, по причинѣ блеска своего называється *Шебгераѣѣ*, свѣшльнякъ ночью, чаша солнца и проч.
9. *Аль-Сиратѣ*, мосьть шириною въ нить шкани паушинной. Онь есть единственныи проходъ въ рай. Рѣка, подъ нимъ текущая, есть адъ, куда падають идущіе нешвердо. Надъ симъ мостомъ возвышається другой гораздо уже, для прохода Христіанъ и Евреевъ.
10. *Франгестанѣ*, земля Черкесовъ.
11. *Бисмилла!* во имя Божіе.
12. Вдымаються усы. Эшо часто бывається видно у раздраженныхъ Мусульманъ.
13. Чалма и столбъ съ надписью изъ Алькорана, сушь обыкновенныи надгробія у Турокъ.
14. *Монкирѣ* и *Некирѣ*, адскіе судьи. Если грѣшникъ на вопросы ихъ отвѣчається дурно, шо они поднимають его косою вверхъ, и пошомъ опшалакивають назадъ раскаленнымъ желѣзомъ.
15. *Калогрѣ*. Такъ Турки называють монаховъ.

16. Суевѣрная довѣренность къ предчувствіямъ весьма обыкновенна на Востоцѣ. Лордъ Вейронъ рассказываетъ, что въ 1811-мъ году, проѣзжая между Керашіей и Колонной, Дервишъ Тагиръ казался безпрестанно безпокойнымъ и увѣрялъ, что они въ опасности, и что онъ слышитъ свистъ пуль мимо ушей. Хотя ничего въ пуши съ ними и не случилось, но послѣ они узнали, будто бы Майношы хотѣли напасть на нихъ, что и утверждено было однимъ изъ ихъ шайки, и Дервишъ прослылъ пророкомъ.
-